

РЕЦЕНЗИИ

УДК 32.

© Юрьев А.И.
Yuriev A.

О КНИГЕ ПРОФЕССОРА М.М. РЕШЕТНИКОВА «ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ И СТАГНАЦИИ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ РЕФОРМ»

ABOUT THE BOOK PROFESSOR M.M. RESETNICOV "PSYCHOLOGICAL FACTORS OF DEVELOPMENT AND STAGNATION OF DEMOCRATIC REFORMS"

***Аннотация.** Анализируя феномен «русского менталитета» как центральную тему книги, рецензент сопоставляет подход проф. М.М. Решетникова с концепциями менталитета проф. Н.М. Ракитянского и проф. В.Е. Семенова. Автор высказывает идею о том, что современная Россия является пространством столкновения либерально-демократического и религиозно-патриотического менталитетов.*

***Annotation.** Analyzing the phenomenon of the "Russian mentality" as the central theme of the book, the reviewer compares the approach of prof. MM Resetnicov with the concepts of mentality prof. NM Rakityansky and prof. VE Semenov. The author expresses the idea that modern Russia is a space collision of the liberal-democratic and patriotic religious mentalities.*

***Ключевые слова.** Реформы, ментальность, традиция, политическая борьба, менталитет демократический и либеральный, менталитет верующего и патриота.*

***Key words.** Reform mentality, tradition, political struggle, and the liberal democratic mentality, the mentality of the believer and patriot.*

Книга профессора М.М. Решетникова «Психологические факторы развития и стагнации демократических реформ» имеет особое значение. Фактически – это публикация научного дневника ученого, который квалифицированно описывает начало и, может быть, завершение демократической эпохи в России с 1985 по 2012 год. Это новый жанр научных публикаций, пока не предусмотренный требованиями ВАКа.

Подобных книг в российской науке и публицистике нет, но после ее выхода, возможно, появятся. По сути, это оперативное изучение причин психолого-политических событий в России, сделанное «день в день» их появления. Перед вступлением в новый неизведанный этап истории российского государства полезно изучить размышления проф. М.М. Решетникова, чтобы не повторить очевидных ошибок и извлечь психолого-политический опыт из бы-

лого.

Книга М.М. Решетникова – это научный документ, протоколы исследования методом «включенного наблюдения». Главное в них – это быстрое осмысление политических событий без долгого поиска исторических аналогов или параллельных мнений, без сверки с научными источниками и другой академической рутини. Надо отдать должное автору, который рискнул опубликовать некоторые записи в том виде, как они были сделаны им в дни, когда происходили события. Автор мог бы переработать свои записи с позиций современного знания последствий описываемых событий, но он не делает этого. В этом – урок новым аналитикам предстоящих грандиозных политических событий в России: последствия некоторых из них прогнозируются, а другие развиваются совсем не так, как предполагают политики и исследователи.

Юрьев Александр Иванович – доктор психологических наук, профессор, директор Научного центра политического консультирования, факультет политологии, Санкт-Петербургск государственный университет.

Yuriev Alexander – doctor of psychology, professor, director of the Centre of political consulting, faculty of political Science? St. Petersburg state university.

Ранее в России только академик В.М. Бехтерев в монографии «Коллективная рефлексология» (Петроград, 1929) считал нужным обобщить свои размышления о русских революциях 1905 и 1917 годов, Гражданской войне 1918-1923 годов, свидетелем которых он был. В свое время такого же рода грандиозные потрясения дал материал для книг О. Кабанеса и Л. Насса «Революционный невроз», СПб., 1906; Г. Лебона «Психология народов и масс» СПб., 1986; С. Сиголе «Преступная толпа» СПб., 1896 и других.

События в СССР и современной России конца XX века и начала XXI века не менее грандиозны, что до сих пор понимают даже не все исследователи и политики. В кратчайшие сроки сокрушена вторая по силе мировая держава. Падение СССР до сих пор вызывает в мире циклопические потрясения, которые неизвестно когда прекратятся. У молодых исследователей политических и психологических катастроф материала для его осмысления будет не меньше, чем у В.М. Бехтерева, О. Кабанеса и Л. Насса, Г. Лебона. И профессор Решетников дает своей новой монографией мастер-класс, как это можно делать.

Надо оговориться, что не все имеют право на такую вольность, какая есть у М.М. Решетникова. Для этого нужно иметь собственный уникальный опыт личного участия в драматических событиях современной истории СССР и России и их осмысления. Научное обоснование представленного труда можно найти в монографиях автора, которые являются результатом его наблюдений Афганской войны (1979-1989), Чернобыльской аварии (1986), Спитакского землетрясения и др. С предельным академизмом написан фундаментальный труд «Психология войны: прогнозирование состояния, поведения и деятельности людей» (СПб, 2011). Ничего сравнимого с ним на русском языке нет. Глубину предлагаемых размышлений М.М. Решетникова можно оценить по монографиям «Психическая травма», СПб, 2006; «Психическое расстройство», СПб, 2008; «Психоанализ депрессий», СПб, 2008 и др.

Широта видения автором социальных и политических процессов отражена в его монографиях: «Психология коррупции», СПб, 2008; «Психология и психопатология терроризма» СПб, 2008. Гуманитарные стратегии антитеррора», под ред. проф. М.М. Решетникова, СПб, 2004. С такой научной базы можно быстро и точно анализировать судьбу демократических реформ в России за последние двадцать лет, не перегружая текст цитатами, именами, доказательствами того, что он уже доказал в других книгах.

Логика монографии «Психологические факторы развития и стагнации демократических реформ в России» продиктована противоречивыми фактами, которых до сих пор никто и не смог объяснить. Были случаи, когда

мне приходилось видеть переживания автора за идущий вкривь и вкось политический процесс в стране. М.М. Решетников давно и упорно ищет главное звено в цепи, которое объясняет то, что случилось со страной после начала реформ. И в чем причина непринятия идеологии демократии в России? Ведь в восьмидесятые годы XX века считалось, что народ СССР с восторгом примет демократию, а уже в девяностые годы слово «демократия» стала в России ругательством. В поисках объяснения этому М.М. Решетников обращает внимание на то, что «в конечном итоге, как мы думаем, так мы и живем, особенно если не берем на себя труд хотя бы попытаться осмыслить связь между первым и вторым».

В качестве главного звена в цепи неудач демократии в России он предлагает рассмотреть особенности российской ментальности, которая, как он пишет: «формируется веками и тысячелетиями, отражаясь в типичных мифах, устойчивых стереотипах индивидуального и массового поведения, вариантах постановки, а также в способах разрешения личных и общественных проблем, типичных ожиданиях и надеждах, корни которых чаще всего скрыты в архаической памяти народа». Итак, главное звено – российская ментальность.

Очевидно, совместимость российской ментальности и демократии не учитывалась в проекте реформ. В своей книге М.М. Решетников приходит к мысли, что: «Любые исторические реформы возможны лишь тогда, когда сформировался их психический базис, когда медленно накапливающиеся и потому неочевидные перемены в общественном сознании становятся самостоятельным фактором социально-экономического развития. А до тех пор, пока действует прежняя ментальность, можно сколько угодно спорить о предпочтительных вариантах западных или даже восточных моделей и тратить огромные средства на их реализацию». Он с сожалением констатирует, что «мы нередко все еще слишком примитивно воспринимаем понятие «народ» и слишком мало внимания уделяем проблеме его самосознания и естественной потребности в национальной идентификации. ...Только единство ментальности – хорошей ли или плохой (в последнем случае – всегда с внешней по отношению к конкретному народу точки зрения) – создают народное единство».

Проведенный им анализ российской ментальности приводит к невеселой, но интересной мысли о том, что «все наши попытки стать счастливыми на платформе экономизма скорее всего ждет та же участь. В отличие от американской, русская мечта – нематериальна: правда и воля». Надо сказать, что это предположение имеет много подтверждений в науках о человеке и обществе. Но этот тезис

важно понимать не как публицистическое заявление, а как мысль, имеющую научное обоснование, в которое надо посвятить читателя.

Может быть, целью монографии М.М. Решетникова является новый запуск научных поисков тех особенностей нашей ментальности, которые не только объясняют провал демократических преобразований России, но и заставят политических лидеров принимать их во внимание в будущем. Монография – не просто размышления ученого, а его предложение начать дискуссию об особенностях российской ментальности. Он пишет: «есть некоторые противоречия в основном тексте, что естественно, так как в ряде случаев автор полемизирует сам с собой и совершенно не претендует на владение абсолютной истиной. Фактически, все поднимаемые вопросы подлежат обсуждению».

Предвосхищая дискуссии о ментальности, полезно осознавать масштаб и глубину этой проблемы. Феномен менталитета в науке о человеке сравним с бозоном Питера Хиггса в физике: найдут бозон – подтвердятся все положения современной физики, не найдут – все физическое знание ставится под сомнение. Так и менталитет: будет расшифрована его суть – все политические конструкции станут реальными, не расшифруют – теоретические модели организации общества снова и снова будут обрушиваться революциями и войнами. Именно об этом монография профессора М.М. Решетникова.

Библиография менталитета насчитывает тысячи противоречивых статей и книг, которые пока не внесли ясности в проблему. Точка зрения Решетникова на проблему менталитета отчасти пересекается с пониманием менталитета В.Е. Семеновым и Н.М. Ракитянским, поэтому можно ограничиться сопоставлением их мнений. В трудах этих исследователей есть широкий обзор научной литературы по проблеме менталитета (Н.М. Ракитянский. «Понятия сознания и менталитета в контексте политической психологии» // Вестн. Московск. Ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2011. № 6; Семёнов В.Е. Типология российских менталитетов и имманентная идеология России // Вестник СПбГУ. Сер.6. 1997. Вып. 4. С. 59-67).

Профессор Н.М. Ракитянский обращает внимание на то, что менталитет находится между нами и миром как своеобразная призма, и согласен с наблюдениями Л.Н. Пушкирева в том, что почти все зарубежные ученые подчеркивают значение веры в менталитете. Т.е. вера является важнейшей составной частью менталитета, и она всегда изначально присутствует в человеческом сознании. Наиболее ярко эта тенденция в понимании менталитета представлена в работах профессора В.Е. Семенова. Он по-

нимает менталитет «как исторически сложившееся групповое долговременное умонастроение, единство (сплав) сознательных и неосознанных ценностей, норм, установок в их когнитивном, эмоциональном и поведенческом выражении. Понятно, что менталитет, прежде всего, детерминируется общей историей, географическими и экологическими условиями, традициями, языком, фольклором, мифологией, религией и т.п.». Поэтому профессор В.Е. Семенов не согласен с тем, что «менталитет трактуется как некое социально-психологическое образование, присущее этносу, нации, народу, стране». Но, по его мнению, неверно, что «у подобных больших социальных групп только единственный целостный менталитет, на наш взгляд, является крайним упрощением. В нашем понимании такие большие социальные группы, как нация, народ, население страны отличаются полиментальностью».

Полиментальность означает, по мнению, В.Е. Семенова, что «российские менталитеты – это: 1 – российско-православный (имеет тысячелетнюю историю на Руси и в России); 2 – коллективистско-социалистический (сформировавшийся за три четверти века в СССР и имеющий истоки в крестьянской общине и рабочей артели, в деятельности народников и социалистов XIX – начала XX вв.); 3 – индивидуалистско-капиталистический (прозападный, сформировавшийся в России, начиная с реформ Петра I и особенно после отмены крепостного права в 1861 г., и возрождающийся ныне зачастую в карикатурном виде); 4 – криминально-групповой (мафиозный, существовал всегда, порожден пороками людей, в 90-е годы XX века в России превратился в феномен «великой криминальной революции. Помимо указанных четырех основных менталитетов следует еще назвать; 5 – мозаично-эkleктический псевдоменталитет как порождение «массовой культуры» и СМИ, включая Интернет, конгломерат «осколков» указанных менталитетов».

Такое понимание менталитета позволяет В.Е. Семенову переходить к практике, утверждая, что: «тенденции в деятельности СМИ и в массовой культуре в основном совпадают с ценностными ориентациями и интересами индивидуалистско-капиталистического (в его самом вульгарном варианте) и криминально-мафиозного менталитетов, но противоречат ментальности наиболее духовной и нравственно здоровой части российского общества. Практически современные СМИ в России по большей части имеют антихристианский характер. Они, по сути, явно и неявно стимулируют нарушения всех десяти заповедей Божиих – от «не убий» до «не прелюбодействуй» и поощряют все семь смертных грехов – от «гордыни» до «сребролюбия».

Такое понимание менталитета близко к точке зрения профессора Н.М. Ракитянского (Категория менталитета в пространстве психологии веры. СПбГУ. Сер. 12. 2009. Вып. 4). Он считает необходимым выделить в нем три основных этапа. «Первый этап – имплицитный. Он характеризуется тем, что термин «менталитет» еще не встречается в научных трудах. Исследователи пользуются такими понятиями как «этническое сознание», «национальный характер», «душа народа», «духовный склад», «дух народа» и др. Второй этап уже связан с активным введением понятия в научный оборот и затем его широким распространением в научном сообществе, художественной литературе, публицистике и в живом разговорном языке. Начало третьего, нынешнего, этапа исследований феномена «менталитет» приходится на 90-е гг. XX в. и связано с развитием информационной революции в контексте ускоряющегося процесса глобализации. Принципиальное значение последнего этапа состоит в том, что феномен менталитета стал рассматриваться заинтересованными операторами глобальной политики и ТНК не только как объект изучения, но в первую очередь как объект управления и модификации средствами информационно-психологической экспансии».

В конечном счете профессор Н.М. Ракитянский приходит к мысли, что «менталитет вырастает из веры. Вера в качестве базисной психической функции выступает своего рода стержнем, на который нанизывается вся структура личности, если шире вся структура национального русского менталитета, политическая структура его государственности и т.д. Она формирует главные и ведущие стремления человека, которые определяют его жизнь, его воззрения, его намерения и поступки. Вера является первичной системой знаний, основой ментальной матрицы, составляет и ее содержание. Более того, она формирует и определяет политическую власть целой страны, экономику, нравственность, духовность, саму жизнь и судьбу народов, государств, каждого отдельного человека». В отличие от точки зрения профессора В.Е. Семенова, он считает, что «вера является глубинной основой менталитета как отдельно взятого человека, так и целого народа. Вера как выражение духовной жажды человека, как отражение психологических качеств людей и целых народов будет оставаться не только предметом острых дискуссий в ближайшем будущем, но и объектом политического противоборства». Одним словом, понятие менталитета в наше время, действительно максимально политизируется, а значит вступает в отношения с идеей демократии, как считает и профессор М.М. Решетников.

Здесь надо вернуться к труду М.М. Решетникова, ко-

торый начинает первую часть своей монографии «Психологические прогнозы 1995–1996 годов» с главы «Современная российская ментальность. Психоисторический анализ». Первые его слова: «Особенности современного массового сознания населения России непосредственно связаны с судьбой государства, вначале как новой, а затем как – все более – бывшей империи». В своем психоисторическом анализе автор пишет о двух ведущих тенденциях или традициях, заложенных в постоянно возрождающемся и искусственно культивируемом массовом сознании граждан России. «Первая традиция – «русской исторической гордыни» – берет свое начало еще с эпохи первых попыток сотворения «Третьего Рима» (или «Новой Византии»). Уместно напомнить, что формирование современной (вернее – существующей до настоящего времени) модели Российского государства и перенос в Москву центра православия (1448) по времени совпадает с периодом крайнего ослабления и окончательного распада (1453) Византийской империи, в течение нескольких веков олицетворявшей собой культурное, научное, технико-экономическое и военное лидерство практически во всех областях.... Можно предполагать, что именно неудача этой многовековой попытки (прежде всего в культурно-историческом значении, т. е. в смысле высшего типа, а именно – духовного лидерства) явилась основой создания (имеющего компенсаторную природу) мифа об особой «русской душе», на основе которого в последующем возникли такие понятия, как «Святая Русь», «непоколебимый русский дух», а позднее – «непобедимая русская армия», «...флот», затем искусно трансформированные в «советский» (характер, народ, ученый, рабочий, тип личности и т. д.).

Вторая традиция – «исторической российской экспансии» фактически связана с первой и обусловлена принятием на себя, а затем целенаправленным культивированием особой (в некотором роде – «мессианской») роли России по отношению к сопредельным народам и государствам (а в «советский» период – ко всем народам мира). При этом – с незапамятных времен и до последнего времени – здесь безраздельно господствовала «русская (наднациональная) идея», подразумевавшая безусловный приоритет русской культуры над остальными этносами империи (при равенстве всех верноподданных, а позднее всех советских, независимо от национальности и вероисповедания) и реализовавшаяся преимущественно в форме «ненасилованной ползучей русификации» (со времен покорения Сибири и до наших дней). В отличие от этого, «русский национализм» («Россия – только для русских») – это качественно иное понятие, получившее кратковременное

распространение в начале XX века и периодически, нарастая, в связи с унижением национального самосознания основного этноса, проявляющееся сейчас.

М.М. Решетников выделяет и третью российскую традицию – имеющую персонифицированную значимость, а именно: ориентацию на первое лицо государства, относительно независимо от его официального наименования, провозглашаемых им исторических ориентиров или декларируемых нравственных идеалов и ценностей (например, царь Николай, премьер-министр Ленин, генеральный секретарь Сталин или президент Горбачев – каждый в какой-то исторический период был не только выразителем идеалов, но и кумиром всей нации). Забегая немного вперед, автор, высказывает предположение, что нынешнее полиэтничное пространство составляет один из основных и трудно преодолимых барьеров на пути к демократическому обществу. В итоге автор делает вывод: «Таким образом, если исходить (безусловно, несколько упрощая, как и при любой схеме) из российского опыта XX века, не православие, к которому уже столько раз пытались прибегнуть в последние годы, составляет суть национального единства, а именно идея российской национальной гордыни (во всей ее специфике, о которой еще будет сказано ниже)».

Так или иначе М.М. Решетников, анализируя влияние четырех традиций на все стороны общественной жизни в России, кажется, приходит к выводу, что психологические факторы развития и стагнации демократических реформ кроются в особенностях российского менталитета, не объясняя при этом в отличие от В.Е. Семёнова и Н.М. Ракитянского, что именно стоит за понятием «русский». Автор дает двоякий прогноз развития и стагнации демократии в России. С одной стороны, он пишет, что «идея святости в России всегда находилась и находится в непримиримом противоречии с материальным благополучием. Быть святым можно только пребывая в бедности или даже (лучше) в нищете. Выражение «честных денег не бывает» – типично русское. И здесь же скрываются истоки огромных отличий и огромного (пока – в перспективе) преимущества российского типа предпринимательства перед западным». Но, с другой стороны, он указывает, что демократия возможна в России при условии устранения серии «несбывшихся надежд», через которые прошла Россия уже в постперестроечную эпоху: не сформировался класс свободных горожан («лавочки» не в счет) и фермеров, в стране нет развитой политической структуры, а фракции и партии существуют преимущественно только в российском парламенте, не сформирована новая вертикаль власти.

Главный вывод, который объединяет фундаментальные исследования трех выдающихся авторов: профессоров М.М. Решетникова, Н.М. Ракитянского, В.Е. Семенова, заключается в том, что менталитет – это предмет ожесточенной политической борьбы. Истоки этой борьбы находятся в психологической науке, которая как будто бы в этой борьбе не участвует, а в действительности снабжает участников борьбы научными аргументами о природе человека и методах управления его в одном случае поведением, а в другом случае – сознанием. И тот, кто выиграет борьбу за свою психологическую конструкцию менталитета, тот выигрывает и политическую борьбу за власть.

Если внимательно всмотреться в проблему, то очевидно, что неявно в науке есть непримиримое противостояние двух точек зрения на человека и его поведение: либерально-демократического и религиозно-патриотического. Под разными именами эти точки зрения порождают политические, экономические, военные схватки уже много столетий. В терминах современной науки эти точки зрения на человека, а значит и на менталитет, выглядят, как подковерный спор концепций человека «сознательного» и человека «поведенческого». Можно предположить, что в России столкнулись два менталитета: либеральный (детерминированный, поведенческий) и религиозно-патриотический (сознательный, духовный), следующих из двух разных психологических точек зрения на человека.

Менталитет демократический и либеральный – это менталитет «детерминированного человека». Научное обоснование для этого менталитета создали психологи-механицисты (детерминисты) в виде «объяснительной психологии». Сутью этой психологии является отрицание проблемы сознания и объяснение поведения человека на базе инстинктов и навыков. По другой терминологии это психология эмпиризма, который доказывает, что восприятие формы и пространства не дано от рождения, а является формой научения. Они утверждали, что все, что есть в мышлении, раньше было в чувственном опыте. А изучение мышления возможно теми же методами, которыми изучаются элементарные явления чувственного опыта. Всем известно утверждение Дж. Локка, что человеческая психика – это *tabula rasa*, на которой «опыт записывает свои письмена». Без опыта в психике ничего не может возникнуть. К эмпирикам присоединились ассоцианисты, по мнению которых для понимания мышления достаточно иметь два элементарных процесса – представление или чувственный образ, с одной стороны, и ассоциацию, связи чувственного опыта, с другой. Механицисты не обсуждают процесса мышления, и они не отвечают на вопрос, что от-

личает поведение животных от сознательной деятельности человека.

Эмпиризм приобрел форму новой психологической религии после появления монографии Д.Б. Уотсона "Психология с точки зрения бихевиориста" (1913). Ныне это официальная психология в США и во всех так называемых демократических странах. Именно это представление о психологии человека питает идеи западной демократии и либерализма, хотя все это открыто не манифестируется. Тем не менее эмпиризм объявил предметом психологии поведение, а само поведение – как нечто состоящее из реакций на стимулы, как результат повторений и подкреплений, как процесс, строящийся на элементарной схеме условного рефлекса. Предметом психологии в бихевиоризме стал не субъективный мир человека, а объективно фиксируемые характеристики поведения, вызываемого какими-либо внешними воздействиями. Тогда научение, по Уотсону Д.Б., – это накопление реакций. В бихевиоризме Д.Б. Уотсона проявляется детерминистическая позиция определения поведения: по стимулу, считал он, мы можем заключить о последующей за ним реакции. Т.е. поведение предстает как непластичный, запрограммированный извне феномен. Причем Д.Б. Уотсон также рассматривает поведение в отрыве от психики и сознания. Он вообще отождествил понятие психики с интроспективным ее пониманием в психологии сознания, и, отвергая последнюю из-за ее субъективности, отбросил и психику как «науку о душе». Изучая поведение, Уотсон не дает его определения, сводя поведение к набору реакций. Его концепция прямо решала проблему управления социальным и политическим поведением, она изначально была сфокусирована на манипулировании людьми. Главное в политике – сделать так, чтобы человек выдавал определенные реакции. Если в психотерапии это в какой-то мере может быть оправдано, то вне лечения у человека можно вызывать такие реакции, которые выгодны манипулятору.

Не принято рассматривать прямую связь психологии, науки, политики, – идеологическую связь эмпиризма с позитивизмом Огюста Конта, одного из идеологов Великой Французской революции. Формулируя идеологию науки на основе философии наблюдаемого и измеряемого, он разработал научные основы эмпирической науки для практики демократии и либерализма. Конт породил не только философское учение, определяющее единственным источником истинного, действительного знания эмпирические исследования и отрицающее познавательную ценность философского исследования. О. Конт, как яроственный враг христианской религии, обосновал идеологические основы революционной науки – позитивизма, кото-

рая в политике получила наименование демократии. Конт прямо назвал позитивизм новой религией, пришедшей на смену христианства. Практически вся наука в последние двести лет стала позитивистской, что позволило вывести из нее массу специфических научных теорий. В русле его идей ученые-психологи столетия обосновывали и утверждали эмпиризм, и фактически, естественно-научную основу демократии. Это и сам Конт, его учитель Сент-Симон, а также Джон С. Милль, Герберт Спенсер. Эрнст Мах, Рихард Авенариус, Готлоб Фреге, Бертран Рассел, Людвиг Виттгенштейн, Карл Поппер, Томас Кун, Имре Лакатос, Пол Фейерабенд, Майкл Полани, Стивен Тулмин и др.

Мало кто знает о том, что психологическое знание успешно трансформируется в политическую теорию и практику. Эту цепочку трансформаций можно проследить от высказываний бихевиориста Т. Тэйлора до инструкций политтехнолога У. Липмана. По утверждению Т. Тэйлора, предметом психологии является поведение, которое может быть прослежено от амебы до человека, а основная позиция детерминиста – редукционизм, т.е. объяснение явления сведением его к частям, которые и составляют целое. По его мнению, биологические основы поведения могут быть сведены к движениям мышц и сокращениям желез, которые в свою очередь, являются результатом химических процессов. Химические процессы могут быть поняты из изменений молекулярных структур, которые в свою очередь, сводятся к изменениям соотношений атомов на субмолекулярном уровне и выражены в математических показателях. Распространение редукционизма позволит выразить поведение человека в математических понятиях. Из этого следует, что счастье – это химическая реакция, проходящая в нашем организме при непосредственном участии гормонов. То есть творчества можно добиваться выбросом ацетилхолина, привлекательности – вазопрессина, радости – допамином, удовольствия от общения – окситоцином, оптимизма – серотонином, энергии и настроения – тироксином, счастья – эндорфином и т.п. Это бесспорные научные факты, но в трактовке демократического менталитета в реальной жизни, это культ тела, противопоставленного культу веры, которая отвергается эмпирической психологией и позитивизмом и др.

Научные достижения психологов-детерминистов не просто объяснили, а дали толчок теории и практике политиков-демократов. Например, Уолтер Липман еще в 1922 г. объяснил, что человеческие поступки основываются не на прямом и очевидном знании, а на картинах, которые индивид рисует сам или получает от кого-то другого. Он открыл, что устойчивость, ригидность, консерватизм – основные характеристики стереотипа, в социо-

логии – «социального стереотипа». Идеологическая сфера оказывается своеобразной когнитивной спецификацией такого сознания, на которое вольно или невольно возлагаются функции осуществления социального контроля над сообществом, над континуальностью культурных традиций общества и т.п.

Политика строится на том, что в «картине мира» человека его мир отличается от реального, беспорядочного: он расчленен на категории, и этим категориям присвоены ярлыки. Этот «внутренний» мир субъективен и недостоверен, но зато он, по крайней мере, обозримый, устойчивый, в нем можно ориентироваться и действовать. Человек видит мир так, как его научили видеть субъекты политики, вносить свои поправки и учить своих детей. И так вплоть до стереотипа, охватывающего все системы стереотипов и известного под названием «социальная реальность». Общественное мнение – это картина в головах этих людей, образы их самих, других людей, их потребностей, целей, взаимоотношений. Картины, в соответствии с которыми действуют группы людей или индивиды, действующие от имени групп – это Общественное Мнение с большой буквы.

Известный специалист по исследованию общественного мнения в России А. Ослон говорит, что «мы видим то, что ожидаем увидеть». Так, эксперт и невежда видят разное, у каждого стереотипа своя правда, стереотип генерирует эмоции. В соответствии с теорией либерального менталитета стереотип – это предрассудок. Тогда моральные коды – это стереотипные правила оценивания, стереотипные интерпретации, мифы, стереотипы «правильного» поведения, основа для формирования мнения, осознание стереотипов – условие взаимопонимания, а различия в стереотипах – источник недоверия. О.Ю. Семендяева пишет, что стереотип состоит из двух компонентов: когнитивного образа, обеспечивающего предрасположенность субъекта к восприятию массовой информации, и инструментально-практической установки, создающей контекст оценивания информации и внутренней готовности субъекта к последующим действиям. Если инструментальный компонент начинает доминировать над когнитивным, т.е. человек воспринимает только то, что он хочет воспринимать, то истина становится неотличимой от лжи, убеждение перерастает в предубеждения, категориальный стереотип превращается в имидж, а люди – в обезличенную и манипулируемую «одинокую толпу».

Таким образом, психологи-детерминисты объясняют, а либеральная политика практически формирует по ее лекалам поведение «детерминированного человека». Делается это посредством стимулирующей рекламы: фор-

мы тела – через бодибилдинг; внешнего вида на примере моделей; чистоты тела – через прокладки, зубной пасты; удовлетворенности жизнью – через выработку гормонов, секс, жратву, алкоголь, наркотики; достижения – через состязательность, конкуренцию, успех и т.д.

Все демократические СМИ, ТВ и ФМ-каналы заполнены сценами приготовления и поглощения пищи, безопасного секса, ухода за телом, комфорта жилища. Но в них нет ни слова о чести, совести, стыде, справедливости, возвышенных чувствах. Они помеха порожденному демократическим менталитетом обществу потребления. Им противопоставлена Абсолютная Свобода, делающая недопустимое – допустимым, невозможное – возможным, отвратительное – прекрасным.

Общество потребления создало дешевую масскультуру как смесь попсы, рока, порнографии, эстетизации насилия и крови. Оно внедряет безнравственную общественную практику – определение истины через состязательность адвокатов, влиятельных медиа-персон, политиков и т.п. Оно определило благополучие через игру на бирже, на разнице курсов валют, на разрыве в доходах; медицину с разрешенными эфтаназией, генной инженерией, абортми, использованием тканей младенцев; зависимости – игровой, компьютерной, наркотической, алкогольной, юридической, денежной; мораль, приветствующую сексуальные извращения, однополые «браки», отказ от понятий «мать» и «отец», упоминание пола и др.

Понятно, что, несмотря на достижения демократических стран в развитии научно-технического прогресса, комфорта бытовой жизни, они вступили в борьбу с носителями противоположного менталитета: религиозного и патриотического.

Менталитет верующего и патриота – человека сознательного. Базу для этого менталитета создали психологи-идеалисты (картезианцы) в виде «описательной психологии». Они признавали и описывали факт перехода от чувственного к рациональному, но отказывались объяснять его. Основоположники: Р. Декарт, И. Кант, В.Г. Лейбниц и др. положили начало нативизму, гештальт-психологии, в которых восприятие формы и пространства считаются врожденными. В. Дильтей и Э. Шпрангер утверждали, что высший уровень абстрактного поведения, который определяется отвлеченными категориями, характерен только для человека. Но этот уровень есть проявление особых духовных способностей, заложенных в психике человека. Возможность выйти за пределы чувственного опыта и оперировать отвлеченными категориями есть свойство духовного мира, которое есть у человека, но нет у животных. Еще ранее Декарт писал, что животные дей-

ствуют по закону механики и их поведение можно объяснить строго детерминистически. Но человек, в отличие от животного, обладает духовным миром, благодаря которому возникает возможность отвлеченного мышления и осознанного поведения. Духовный мир не может быть выведен из материальных явлений, и корни этого поведения уходят в свойство духа, который нельзя объяснить материальными законами. По И. Канту, из опыта выводятся апостериорные категории, но есть априорные категории, которые заложены в глубинах человеческого духа. Суть человеческого познания заключается в том, что он может выходить за пределы наглядного опыта – это трансцендентальный процесс: переход от наглядного опыта к внутренним сущностям и обобщенным рациональным категориям, заложенным в существе человеческого духа.

Э. Кассирер доказывал, что для человеческого духа свойственны символические формы, которые проявляются в знаках, в языке, в отвлеченных понятиях. Что человек отличается от животных тем, что он оказывается в состоянии мыслить и организовывать свое поведение в пределах символических форм, а не только наглядного опыта. Это результат того, что человек обладает духовными свойствами. Эти факты можно лишь описывать, но их нельзя объяснить – на этом строится вся современная феноменология – учение об основных формах духовного мира. Классики приводят такой пример феноменологии: сумма углов треугольника равняется двум прямым. Но бессмысленно задавать вопрос, почему? Это факт априорной феноменологической характеристики геометрии – она вся построена по строжайшим законам, доступна изучению и описанию, но не требует таких объяснений, как явления физики или химии.

Даже такой экспериментатор, как В. Вундт, убедился в том, что есть элементарные процессы ощущения, восприятия, внимания и памяти, которые подчиняются естественным законам, но есть и процессы «апперцепции» – активное познание человека, исходящее из его установок и воли. Эти процессы активного отвлеченного познания выходят за пределы чувственного опыта, относятся к высшим духовным явлениям, их можно описывать, но объяснить нельзя, потому что в них проявляются основные априорные категории человеческого духа (Вюрцбургская школа).

О. Кюльпе, А. Мессер, К. Бюллер разными методами выяснили, что сознание и мышление нельзя рассматривать как формы чувственного опыта, что мышление протекает без участия наглядных образов и слов и представляет собой специальную категорию психических процессов, в основе которых лежат категориальные свойства духа.

Даже такой выдающийся физиолог-экспериментатор, как Ч. Шеррингтон, пришел к мысли, что физиолог принципиально не может объяснить духовный мир человека, а мир отвлеченных категорий, мир волевых действий есть отражение идеального духовного мира, существующего вне человеческого мозга. На этой ниве потрудились В.Г. Лейбниц, Дж. Беркли, Р. Декарт, И. Кант, Т. Шеллинг, Н. Мальбранш, И.Г. Фихте, М. Хайдеггер, В. Дильтей, Э. Шпрангер, Ч.С. Шеррингтон, П.Д. Юркевич, К.Д. Кавелин, Н.Н. Страхов, Г.Т. Фехнер, В.М. Вундт, У. Джемс, Ч.С.С. Пирс, Г. Лебон, К.Г. Юнг, Г.И. Челпанов, В.С. Соловьев, С.Н. Булгаков, П.А. Флоренский, А.Ф. Лосев, С.Н. и Е.Н. Трубецкие, С.Л. Франк, Э. Титченер, Л.П. Карсавин, Н.О. Лосский.

Такой взгляд на человека долгое время обеспечивал устойчивую политическую власть в России, как predeterminedенную вечными силами духа человека, его души, его мышления и воли. Ставка была на сознание человека, отвергнутого психологией детерминизма. Но религиозно-патриотический менталитет проиграл две революции менталитету демократическому и либеральному. Сегодня в России сохранились корни религиозно-патриотического менталитета, который под знаменами консерватизма и социализма оказывает весьма существенное сопротивление распространению демократии в стране при существенной поддержке народа. Массы требуют суда не по Закону, а по Справедливости; настаивают на исполнении чиновниками своего Долга, а не Наемного менеджества, требуют оценивать лидеров по Совести, а не по пиару и т.д.

Масштаб распространения в России идей консерватизма приблизительно очерчивает аналитический обзор М. Ремизова, перечисляющего организации, имена и издания, вовлеченные в создание консервативного проекта для России. Организации: "Серафимовский клуб", "РЖ-Сценарии", "Консервативный пресс-клуб", Отдел внешних церковных сношений Московского Патриархата, Сретенский монастырь, Литературно-философская группа "Бастион", Философско-культурологический "Консервативный семинар", "Экспериментальный творческий центр", Институт русской истории при РГГУ, Институт русской цивилизации, ЦСКП партии «Единая Россия» и др. пытаются сохранить и усилить религиозно-патриотический менталитет в стране.

Менталитет, отмеченный и описанный профессором М.М. Решетниковым, в своей исторической сути скрывает веру в Сознание, Долг, Честь, Совесть, Справедливость, Красоту – очень привлекательные и сильные явления. Так совесть рассматривается в религиозном менталитете, как способность к активному самосознанию, самооценке личного отношения к окружающему, к действующим в обще-

стве нравственным нормам. Она помогает определять соответствие индивидуального поведения личности высшим моральным предписаниям. Совесть, а не стимул, выступает в качестве внутреннего регулятора. Совесть проявляет себя, как побудитель, направляющий на соблюдение нравственных требований; как останавливающий фактор, заранее осуждающий человека за намечаемое поведение; как корректирующий фактор во время действия; как фактор, содержащий в себе моральную оценку наших поступков. Совесть имеет «интимный» характер, человек стоит лицом к лицу с самим собой и поэтому предельно откровенен – ее нельзя обмануть, она – «свидетель, который всегда с тобой». Совесть проявляется как стыд за совершенное, как форма раскаяния, как угрызания совести, наконец, как муки совести. Моральным результатом этих переживаний является раскаяние, нравственный смысл которого – гармонизация отношений между Долгом и Совестью. Долг, как нравственная обязанность человека, выполняемая им под влиянием не только внешних требований, но и внутренних нравственных побуждений, неотрывен от совести.

Вся научная суть спора о двух менталитетов в том, что: а) есть выход за пределы чувственного опыта в пространство сознания, мысли, души, духа или б) нет, и все поведение человека определяется только чувственным опытом, стимулируя который можно получить желаемое поведение?

Кто прав: описательная психология сознания или объяснительная психология поведения? Спор не решен, хотя в мире доминирует точка зрения позитивизма и бихевиоризма, и политика рискует принять ее, потому что не может ждать исхода спора ученых – каждый день ей нужно управлять поведением миллиардов людей на планете, которые должны соизмерять свои желания и возможности. Этим, очевидно, объясняется интерес профессора М.М. Решетникова к российской ментальности, как к решающему фактору демократизации России. А проблемы распространения демократии в России заключаются в том, что демократический менталитет не смог полностью подавить или заменить в стране патриотический менталитет, который, возможно, имеет необъяснимое происхождение, отчего его психология называется только описательной психологией.

Профессор М.М. Решетников заключает раздел «Психологические проблемы современности» и всю монографию своих размышлений о судьбе демократических реформ в России описанием «Неочевидного образа будущего». Он предупреждает об опасности искаженной психической реальности, «паранойальном сдвиге»,

психических травмах, востребованности агрессивности, эстетике зла, депопуляции Европы и др. Есть и другие авторы, которые предупреждают о той или иной психолого-политической проблеме, но в таком концентрированном виде – этого не делал никто.

Если рассматривать неудачи демократии в России с точки зрения роли менталитета в этих неудачах, то представляется, что менталитет – очень инерционная система, и сегодня мир по отношению к демократии поляризовался. Абсолютно все люди обладают менталитетом, даже не осознавая этого, и абсолютно все люди религиозны, даже отрицая это, потому что либерализм – это по сути своей религии, а СМИ – это ее церковь.

В свое время один из виднейших соавторов современной демократии, Огюст Конт, прямо назвал позитивизм новой религией, о чем не подозревают многие сторонники демократии. Поэтому никакая логика не действует на веру демократического и либерального человека так же, как и на веру религиозного и патриотического человека. Мир снова приобрел черты, сходные с противостоянием язычников и христиан, монархистов и революционеров, которые ни при каких условиях не согласятся со своими оппонентами, и готовы применять к ним любые средства подавления: моральные, информационные, экономические, физические. А несогласие только в том, что одни верят, что миром управляют видимые, счетные, объяснимые стимулы и реакции, а другие уверены, что миром управляет сознание, нравственность, которые нельзя ни измерить, ни объяснить, как душу человека и его дух.

Резюмировать обсуждение проблемы менталитета можно было бы так:

1. Проблемы менталитета порождены много веков назад, а не современной ситуацией в мире – мы всего лишь наследники нерешенных вопросов противостояния двух точек зрения на человека и его жизнь, скрытых в философской и психологической науке.

2. Все самые кровавые войны, включая мировые, были попытками силой решить проблему противостояния двух базовых типов менталитетов за счет уничтожения и подавления своих оппонентов под видом политической борьбы.

3. Между войнами, которые проблему менталитета не решали, были периоды военного истощения оппонентов, периоды мира и спокойствия, когда торжествовала человечность и восхищение феноменом жизни.

4. Для решения проблемы менталитета у политических партий до сих пор не хватает интеллектуальных и моральных ресурсов, и поэтому периоды мира используются для совершенствования орудий уничтожения и пода-

вления своих оппонентов.

5. Двадцать первый век начинается с того, что вновь позиции оппонентов полностью сформированы, приобрели формы фанатизма, который не позволяет ни слышать, ни думать, ни понимать, ни договариваться с оппонентами относительно смысла, цели и ценностей жизни человека.

6. Сегодняшний день характеризуется тем, что факты, логика, мысль выведены за скобки набора инструментов для решения проблемы менталитета, в котором оставлены только презрение, ненависть, желание перекричать, оскорбить, унижить оппонента эмоциональными, информационными, экономическими, силовыми методами.

7. Все демократические процедуры используются обеими сторонами не для решения проблемы менталитета, а для подавления оппонента, превращая выборы, парламенты, суды, прессу в род оружия. Результаты, даже стерильно чисто проведенных выборов, будут не признаны, решения самых праведных судов будут оспорены, любые, самые искренние обращения оппонентов будут осмеяны.

8. Непримируемое противостояние двух типов менталитета является для народных масс секретом полишинеля, и поэтому идеи демократии легко разоблачаются людьми, как оружие в схватке противоборствующих сторон, и которое не предназначено для мирного решения проблемы менталитета.

9. Начало 2013 года в РФ характеризуется крайним обострением взаимной неприязни носителей двух менталитетов, проявляющейся, в частности, в том, первые оскорбляют оппонентов «людоедями», «мерзавцами» и т.п., а вторые призывают к люстрации своих оппонентов за преступления, совершенные в ходе криминальной приватизации 1991-1993 годов. При таком развитии политического процесса в стране консенсус становится невозможным со всеми вытекающими последствиями.

10. Профессоров М.М. Решетникова, Н.М. Ракитянского, В.Е. Семенова и др. беспокоит нечто новое в поли-

тической жизни России, что, с моей точки зрения, является переходом инициативы политической борьбы от организованных «партий» с объявленной идеологией к тысячечелетним «менталитетам» с фатальной верой в то, как выглядит человек и как ему подобает жить.

Политические партии сегодня больше обслуживают менталитеты, чем собственную идеологию.

А. В связи с создавшимся положением особое значение приобретает решение проблемы менталитета в дискуссиях ученых, которые практически прекращены уже целое столетие. Именно наука о человеке виновна в создавшемся опасном положении из-за диктата одной стороны, не позволяющей ни работать, ни выступать, ни публиковаться другой стороне. Наука, поиск истины направляются административно властвующей стороной.

Б. Если дискуссия о менталитете будет возможна, то возникнет первичная проблема: спор между доминирующей сегодня либеральной идеей прогресса, развития, инноваций и идеей жизни человека в гармонии с миром и с собой.

В. Для решения проблемы менталитета научными, а не силовыми методами необходимо вернуть науке о человеке ее общественное значение, ее влияние на общество, ее первичные инструменты: факты, логику, моральную чистоту действительных ученых.

Если это так, то профессор Решетников М.М. поднял в своей монографии очень болезненную тему, описав и объяснив которую можно избежать периодически повторяющихся революционных потрясений в России. Приложения книги намекают на условия позитивного развития событий: знание и понимание опыта, который описан у Г. Лебона, учета ментальности народа, подготовке национальных лидеров такого масштаба, чтобы они решали не свои личные задачи, а задачи общенародного, общегосударственного масштаба, как это делали в лучшие времена лидеры процветающих стран.

Литература

1. Пастухов В. Поколение 12-го года. Новая газета. 2012. 3 октября. № 112.
2. Пастухов В. Преданная революция. Новая газета. 2013. 4 января. № 1.
3. Ракитянский Н.М. Категория менталитета в пространстве психологии веры. СПбГУ. 2009. Сер. 12. Вып. 4.
4. Ракитянский Н.М. Понятия сознания и менталитета в контексте политической психологии. Вестник Московск. ун-та. 2011. Сер. 12. Политические науки. № 6.
5. Решетников М.М. «Психологические факторы развития и стагнации демократических реформ». Рукопись. 2012.
6. Семёнов В.Е. Типология российских менталитетов и имманентная идеология России // Вестник СПбГУ. 1997. Сер. 6. Вып. 4. С. 59-67.
7. Хазин М. Либералы и приватизация. Сайт: [HTTP://worldcrisis.ru/crisis/1057310](http://worldcrisis.ru/crisis/1057310), 10 января 2013 года.

Материал поступил в редакцию 12. 05. 2013 г.